

Краюшкина Лариса Георгиевна,

преподаватель,

МБУДО «ФДМШ № 1»,

г. Феодосия, Республика Крым, Россия

**«ЕЩЕ НЕ РАЗ ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ...»:
КРЫМСКИЕ ВСТРЕЧИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО**

Принято считать, что самое проникновенное обращение к великой жизни в почтительном желании понять ее многомерную бездонность случается не к дате и не по случаю, а по зову души, велению сердца. Может быть, случайно остановишься среди повседневной суеты, и вдруг тебя окутает дымка магии: нет, не сопричастности, конечно, а скорее прозрения, такого неожиданно обновленного и глубокого понимания. Именно понимания, которого всем и всегда так не хватает, особенно, если личность отличается незаурядностью мышления и неординарностью в проявлении эмоциональной сферы себя. В таких озарениях всегда есть место доле фантазии. Одновременно дистанция времени позволяет увидеть иную перспективу в ленте событий, обнаружить незамеченные или непонятые современниками, как бы малозначимые нюансы. Именно это может позволить нам приблизиться к пониманию человека-легенды, такого необыкновенно великого в океане звуков, которые он не просто подчинил себе, но заставил все перевернуть в душе каждого, кто их услышит.

Ключевые слова: Чайковский в Крыму, эпистолярный Чайковский, переписка Чайковского и фон Мекк, Чайковский и Шпагинская.

Larisa G. Krayushkina,

Teacher,

DOD «ALVI №1»,

Feodosiya, Republic of Crimea, Russia

**«YET TIME YOU REMEMBER ME...»:
CRIMEAN MEETINGS OF TCHAIKOVSKY**

It is believed that the most heartfelt appeal to the great life in the respectful desire to understand its multidimensional bottomlessness does not happen to the date and not on occasion, but on the call of the soul, the command of the heart. Maybe you will stop by chance among the daily bustle, and suddenly you will be enveloped by a haze of magic, there is no innocence, of course, but rather an Epiphany, a sort of unexpectedly updated and deep understanding. It is the

understanding that everyone always lacks, especially if the person is distinguished by the originality of thinking and originality in the manifestation of the emotional sphere of himself. In such insights there is always a place for a share of imagination. At the same time, the distance of time allows you to see a different perspective in the tape of events, to find unnoticed or misunderstood by contemporaries, as if unimportant nuances. It is this that can allow us to come closer to understanding the man-legend, such an unusually great in the ocean of sounds that he not only subordinated himself, but made everything turn over in the soul of everyone who hears them.

Keywords: Tchaikovsky in the Crimea, Tchaikovsky's epistolary, correspondence Tchaikovsky and von Meck, Tchaikovsky and Shpazhinskaya

Никому мечты не поверяйте,
Ах, ее не скажешь, не сгубя!
Что вы знаете, то знайте
Для себя.

Николай Гумилев

10 июля 1887 года в Крым приехал Петр Ильич Чайковский. Традиционно предметом изучения крымоведения становятся годы или хотя бы месяцы, проведенные тем или иным Художником на нашей, как выразился современный классик, «сакрально правильной крымской земле». Созданные здесь великие творения и творческие озарения, ведущие к рождению шедевров, удивительные знакомства, развитие отношений, развязка... А если это только один крымский день, точнее сутки, в жизни гения? Разве не интересно узнать, что заставило его изменить четко намеченный, регламентированный гастрольным графиком и творческими планами жизненный маршрут и встретиться с Той, жизнь которой для него была предметом забот и пристального внимания...

Итак, 10 июля 1887 года около полудня в севастопольскую бухту вошел пассажирский пароход «Владимир», с палубы которого на крымскую землю сошел Петр Ильич Чайковский.

В свое время Юрий Нагибин высказал мысль, которая на десятилетия вперед поставила под сомнение труды создателей биографической

Чайковинианы: «Чайковский занимает первое место среди исторических личностей по литературным легендам о нем».

Да, Петр Ильич оказался неподатливым для биографов. В трудах зарубежных исследователей слишком большое место занимает психологический анализ частностей; одновременно пристальное внимание уделяется интимным сторонам жизни гениального музыканта. И, как правило, их трактовка базируется на искаженных или ложных предпосылках, что на фоне масштаба и значимости творческой составляющей его жизни видится абсолютно незначимым и неуместным.

В эпоху постсоветского музыковедения в безудержном порыве модного «срывания масок» представления подданных музыкальной Вселенной Чайковского были опрокинуты. Естественное восхищение предлагали заменить решением дилеммы: либо фрейдистский взгляд на истоки творческих взлетов в создании великих творений, либо истинно христианское всеобъемлющее всепрощение. А ведь суть драмы великого творца находится за гранью всех околонучных споров и досужих рассуждений, в истинной битве исполинского духа против стихии собственных страстей.

Будем надеяться, что история культуры, наделав за столько лет, прошедших со дня ухода композитора, много ошибок, исправит хотя бы одну, но, на взгляд автора статьи, главную. Она отдаст его душе нашей не столько преклонение (в этом он никогда не нуждался), сколько любовь – самое дорогое, о чем он мечтал всю свою жизнь. И, если был бы способен думать об этом, хотел бы увидеть от нас, потомков. Правда, тогда это был бы уже совсем другой Петр Ильич Чайковский...

В творчестве он ставил именно любовь превыше всего, считал ее самой интересной художественной задачей. Его прекрасные оперы – в них живут и любят самоотверженные женщины, в них поется про любовь. Чудесные балеты – в них всюду побеждает её волшебная сила. А гениальные симфонии? В них борется за счастье не масса, а одинокая благородная, жаждущая любви человеческая душа.

В отличие от многих больших художников, Чайковский как будто имеет на нас права. Права, которые мы сами ему предоставили, простодушно забыв даже, когда именно это произошло. Будто в самый момент нашего рождения Чайковский таинственно обнаруживает себя в каждом из нас. Его музыка просто включает нас в свое вечное существование, делая «доверенными лицами». И никак нам от этого великого доверия не освободиться. А надо ли? Нет, нельзя, даже если кто-то решит, что жить легче без всего, что связано с именем Чайковского, проще и как-то комфортнее. Не надо никаких душевных терзаний, никакого смятения чувств, побуждающих думать о вечных вопросах. Зачем? Они навсегда останутся без ответа. Тогда зачем столько сил тратить на переживания, искания и терзания и без того измученной души, если можно просто абстрагироваться и жить спокойно. А можно ли?..

Ведь мы, сами того не замечая, проходим по жизни, музыкой Чайковского околдованные, охраняемые, сохраненные...

Попробуем, из чувства благодарности, в дерзкой и одновременно почтительной попытке представить его и тех, кто был ему интересен и дорог. Да будет нам позволено искать, откуда веяли ветры, что приносили радость и тоску, разочарование и надежду в жизнь этого необыкновенного человека.

О Чайковском, не умея и не желая понять всей сложности его натуры, принято говорить, что он был совсем лишен любви к женщине. А ведь это неверно. Петр Ильич не был лишен этого чувства. В молодости он довольно часто увлекался. И если влюбленность в четырех Сонь, которые по очереди ему кружили голову в юности, не оставила заметного следа в душе, то московская красавица Елизавета Дмитриева была до того интересна Петру Ильичу, что он признавался и отцу, и братьям, что «очень занят ею». Об этом увлечении вспоминали и консерваторские друзья.

Певица Дезире Арто была помолвлена с Чайковским в 1869 г., но их брак не состоялся.

Несколько более сложные отношения были у него с Верой Васильевной Давыдовой, но даже по письмам Чайковского видно, что до того, как он

охладел к ней из-за чрезмерной экзальтации ее натуры, у него были к ней не просто дружеские чувства. Вере Васильевне Петр Ильич подарил три фортепианные пьесы. Самая популярная из них – «Песня без слов» – по сей день заставляет трепетать сердца, часто становится эпитафией долгой любви: такие чувства вложил в нее автор.

Поклонникам творчества Чайковского хорошо известна история с французской певицей Дезире Арто, которая чуть не увенчалась женитьбой композитора. Две московские зимы, когда Желанная (именно так с французского переводится имя Дезире) приезжала на гастроли, были праздником для них обоих: ведь так трогательно, красиво, по-рыцарски ухаживать, по мнению близких, умел только Петр Ильич. Все имеющиеся свидетельства говорят о том, что любовь была взаимной. Чайковский получил благословение своего отца. Если у Петра Ильича и были какие-то сомнения относительно этой женитьбы, то касались они исключительно судьбы его творчества, потому что он понимал: став мужем европейской примадонны, он вынужден будет надолго покинуть Россию. Уехав на Родину для подготовки к свадьбе, Желанная разорвала помолвку, видимо, не в силах была подняться над слухами, в которые «доброжелатели» посвятили ее. Горечь измены, которая терзала Петра Ильича, оставила в его творчестве память в виде щемящего сердце фортепианного романса ор. 5, посвященного Арто. Спустя двадцать лет всемирно известный композитор, нанеся визит своей бывшей невесте в Риме и даря ей шесть романсов (ор. 65), услышал горький вздох в ту пору уже оставившей сцену певицы: «Как я была не права!»

Имя Антонины Ивановны Милюковой произносит кто с сочувствием, кто с презрением. Судьба подарила ей великое имя Чайковского, несколько недель блаженной уверенности в достигнутом счастье, но почти тотчас же разбила это счастье и сделала ее страдальницей на всю оставшуюся жизнь. Эта поразительно красивая, но удивительно душевно нечуткая женщина принесла много тяжелых страданий Петру Ильичу, вероятно, сама не желая того. Можно и даже нужно оправдать Чайковского за этот поспешный шаг, на который его толкнули

трогательные письма влюбленной девушки. Он не обещал ей любви, он надеялся на спокойный семейный очаг, на постепенно возрастающую душевную близость. Но всё вышло иначе. Антонина Ивановна поняла это слишком поздно, но, пережив все обиды, она смогла оценить Чайковского не как великого композитора, а как обыкновенного земного человека: «...всегда относительно всех поведение его было честно и благородно. Никто, ни один человек в мире не может упрекнуть его в каком-нибудь недостойном поступке. Он, верно, самой судьбой было намечен, чтобы жить на земле только для того, чтобы помогать ближнему».

Наверное, так было предначертано свыше, и судьба Петра Ильича совершила крутой вираж, чтобы дальше драма жизни развивалась почти по сказочному сценарию. В самую трудную минуту, когда, казалось, уже не было никакого выхода, вдруг появилась влюбленная в музыку и ее не слишком счастливого создателя фея-миллионерша и не только выручила из беды, но и на долгие годы стала материальной и духовной опорой. Кто-то называет это «романом в письмах», кто-то – «эпистолярной дружбой». Между тем, никаких отношений между Чайковским и Надеждой Филаретовной фон Мекк, кроме переписки, длившейся более тринадцати лет, не было.

Они никогда не встречались (это было ее условие), если не считать нескольких единичных случаев, когда композитору приходилось снять шляпу и кивнуть головой или когда Надежда Филаретовна могла видеть его издали в театре. Властная женщина, деспот в семье, владелица железных дорог, возглавившая после смерти мужа концерн и заставившая перед собой трепетать самых могущественных деловых людей России, она превратилась чуть ли не в рабыню Чайковского, готовую исполнять любое его желание.

Узнав от друзей композитора о деликатных свойствах его натуры, фон Мекк навсегда освободилась от ревности, терзавшей ее в начале отношений с Чайковским, и радостно записала в дневнике: «Петр Ильич принадлежит всему миру и немного – мне». Ее жесткое решение: «Нигде и никогда не встречаться», – больно ранило композитора. Но, несмотря на его просьбы, уговоры, обиды,

она была непреклонна. Постепенно сложилось то равновесие в отношениях, которому способствовала безграничная любовь и мудрость богатой меценатки, и, безусловно, благородство, душевная тонкость и чувство меры Петра Ильича. Тем удручающе для Чайковского стал неожиданный разрыв отношений, последнее письмо-прощание со словами: «Вспоминайте меня иногда!»

Он вспоминал, но чаще с недобрый чувством, и хотя не очень верится, что в предсмертном бреду Петр Ильич произносил ее имя, называя «проклятая», как об этом пишет в воспоминаниях его брат Модест Ильич, но кто знает? Горечь обиды за почудившееся Петру Ильичу пренебрежение к его чувствам могла вызвать такую вспышку гнева в последние минуты жизни.

И все-таки нужно поклониться этой удивительной женщине за то, что она вернула Чаковского к творчеству, первая разгадала его музыкальный гений и предсказала будущее мировое признание, за то, что скрасила своими умными письмами его человеческое одиночество, разросшееся в последние годы жизни до масштабов трагедии.

Мое прекрасное убежище –
Мир звуков, лилий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.

Н. Гумилев

Чем старше становился Петр Ильич, тем глубже погружался он в мир своих музыкальных мыслей и образов, все дальше уходя от обычных людей с их обычным пониманием счастья и милыми повседневными заботами. Пропуском к себе он считал умение слушать музыку и говорить на его языке.

«Я рад, что теперь вы примирились с Байроном и приписываете это моей музыке. Мне это очень лестно, душе моей стало светлее от ваших слов, но по чувству справедливости я должен ограничить себя в Ваших глазах ролью музыкального истолкователя гениального художественного произведения», – так Петр Ильич писал не Надежде фон Мекк, своей постоянной собеседнице в области музыки. Он отвечал на восхищенный отзыв о его симфонии

«Манфред» другой женщине – Юлии Петровне Шпажинской. Более пяти лет трепет ангельских крыл в звуках Чайковского оведали крымские бризы.

Знакомство Петра Ильича с семьей Шпажинских произошло в начале 1885 года. Композитор в это время искал подходящий сюжет для новой оперы. Драма, написанная по «Нижегородскому преданию» эпохи Ивана III, заинтересовала Чайковского образом главной героини – Настасьи, которая, по его представлению олицетворяла русскую женщину, умеющую полюбить только раз и навсегда, отдав в жертву этой любви всё.

Бывая в семье Шпажинских и беседуя с Ипполитом Васильевичем о деталях оперного либретто, переделанного из пьесы «Чародейка» (опера Чайковского будет называться также), Петр Ильич заметил, что Юлия Петровна чем-то постоянно опечалена. Чуткая душа композитора подсказала, что причиной тому – супруг. Но, заходя накоротке на чашку чая в казавшийся благополучным дом Шпажинских, Чайковский посчитал неуместными какие-либо расспросы. И лишь когда в конце 1885 года Петр Ильич уехал из Москвы (тогда он жил в Майданове под Клином), Юлия Петровна поведала причину своих печалей: Ипполит Васильевич решил от нее уйти, и в связи с этим ей придется уехать на жительство в Севастополь.

В первой половине марта 1886 года шли репетиции симфонии «Манфред».

Чайковский, неожиданно для себя, стал рассказывать Юлии Петровне обо всех волнениях своих, связанных с этим произведением, а затем послал билеты на концерт. Юлия Петровна была хорошей пианисткой и очень образованной женщиной, и ее отзыв о симфонии тронул Чайковского. Петр Ильич перешагнул границу обычной вежливости и дружеского расположения: «Знайте, что я принимаю живейшее участие во всем с Вами происходящем и что мне весьма желательно получать и впредь известия от Вас». В дневнике в тот день отметил: «Писал трудное, но важное письмо Ю. Шпажинской».

Юлия Петровна не пропустила едва заметного повышения температуры чувств в письме Петра Ильича. Она отправила письмо-исповедь и прочитала в

ответ: «Я говорил уже Вам, что имею свойство сразу по первому взгляду оценивать человека по достоинству. С первого же раза Вы показались мне очень симпатичны, и с первого же раза я знал, что Вы хороший в полном смысле человек».

Следуя своим гастрольным маршрутом, Чайковский из Парижа признавался Юлии Петровне: «Неужели я не увижу Вас до отъезда в Севастополь? Это было бы для меня очень грустно». Для Юлии Петровны эти слова стали искоркой радости: она почувствовала не только душевное сострадание, а нечто большее.

Все-таки они увиделись в Москве и провели в долгих разговорах самые последние дни ее пребывания там. Проводив Юлию Петровну в Крым, Чайковский рассказывал своему брату Модесту Ильичу: «Ах, какая страшная драма в семье этого модного драматурга... Шпажинский глубоко упал в моем мнении (как человек, а не как писатель), жена его всё больше меня восхищает. Превосходнейшая, талантливая и глубоко несчастная женщина».

Чайковский был возмущен не только тем, что Ипполит Васильевич отказался от такого замечательного человека, каким виделась ему Юлия Петровна. Он считал чудовищным то безразличие, с каким отец относился к двум своим детям: пятнадцатилетней Нине и десятилетнему Юре. От Юлии Петровны из Севастополя шли печальные письма. Петр Ильич стал для нее единственной опорой, это ему было очевидно из ее проникновенных рассказов о своей жизни. Он предлагал ей всяческую помощь и содействие в устройстве на новом месте. Печальное письмо её, полученное в июле 1886 года, сильно взволновало Чайковского. Прочитав его, он записал в дневнике: «Ходил долго по галерее. Работать не мог. Заниматься завтра опять не придется. Буду отвечать Юлии Петровне. Она, вероятно, умирает от тоски. Все эти дни мысли мои о ней». На следующий день в дневнике появилась еще одна запись: «Писал милой бедной Ю.П. Шп.».

У Юлии Петровны было изящное перо, элегантная манера общения, умение говорить о простых вещах трогательно и увлекательно. Чтение ее

писем, окрашенное его личным интересом к этой неординарной женщине, породило у Чайковского убеждение в том, что Юлия Петровна должна серьезно заняться литературой. Он страстно желал дать ей надежду, разбудить интерес к жизни и сам увлекся этой надеждой до такой степени, что во всех письмах теперь хвалил ее талант, уговаривал, требовал, чтобы она начала писать. Только блистательного умения писать письма слишком мало для вхождения в литературу...

Первая половина 1887 года была для Чайковского предельно напряженной: подготовка к постановке оперы «Черевички», инструментовка оперы «Чародейка», грандиозный дирижёрский успех в серии концертов, данных в зале Дворянского собрания Петербурга. Постоянные поездки из Москвы в Петербург. И каждый месяц – два подробных письма о себе в Севастополь. Как очень близкому человеку пишет: !Устал безумно, но очень счастлив!. В другом письме: !Работаю, как вол. И только Ваши письма являются отдыхом для меня! Письмо от 10 апреля 1887 года: !Ради Бога, дорогая моя Юлия Петровна, рассказывайте мне обо всем. Я всё хочу знать о Вашей жизни. Будьте уверены, что мне желательно, чтобы Вы писали мне всё чаще и чаще! Сам композитор отправляет в Крым три письма в мае, три – в июне.

И, наконец, Петр Ильич в Севастополе у Юлии Петровны. Дневник сохранил запись: «Севастополь. Жара. Насилу нашел Ю.П. Мы много и хорошо говорили. Понимали друг друга. Она проводила меня». Но в дневнике он никогда не писал подробности – только факты. О чем они беседовали, никто не знает, и только письмо Чайковского, присланное из Германии, может дать некоторое представление об удивительной севастопольской встрече первого композитора России с женщиной, которая была ему интересна.

«Мое посещение Вас в Севастополе, – читаем в письме от 22 июля, отправленного из Аахена, – немножко похоже на сонную грезу. Синее море, зной, раскаленные улицы, белые дома на севастопольских закоулках, знакомство с таинственным Вашим убежищем, разговоры наши, прогулки у

моря, – всё это мелькнуло как мгновение, и не знаешь, наяву это было или во сне».

Письмо это больше, чем просто участие и желание помочь одинокой несчастной женщине. В нем слышится глубокое взаимопонимание двух существ, не безразличных друг другу. Синее море и белый город еще не раз прозвучат яркими праздничными аккордами в письмах композитора.

Какою музыкой мой слух взволнован?

Чьим странным обликом я зачарован?

Душа прохладная, теперь опять

Ты мне позволила желать и ждать.

Н. Гумилев.

Видимо, задушевные разговоры в Севастополе возымели свое действие, и Юлия Петровна всерьез взялась за перо. Она начала писать повесть «Тася». Петр Ильич советовал ей придерживаться своего, пережитого, автобиографического.

Обещая помочь с изданием повести, он, получив в рукописи первые главы, восклицает: «Талант несомненный! Bravo! Bravo! Рад за русскую литературу!» Восторги Петра Ильича были сильно подкреплены его пристрастным отношением к Юлии Петровне. И она решилась на неожиданный шаг – отправила повесть бывшему супругу. Шпажинский, слегка похвалив, твердо заявил, что повесть требует переделки, а у него на это времени нет.

Юлия Петровна загрустила, и у Чайковского возникла мысль: а не попробовать ли им работать вместе? Уезжая на полгода в большую концертную поездку, он предложил Юлии Петровне написать пьесу для оперного либретто. «Дорогая Юлия Петровна, ваш трогательный талант позволит Вам написать сценарий в три действия интимного характера с раздольем для моих лирических излияний». Юлия Петровна написала пьесу «Змееныш», но с ней произошло то же, что и с повестью «Тася»: особое отношение Чайковского к автору этих произведений заставило его оценить их выше действительного уровня.

Переписка продолжалась, но на предложения Чайковского встретиться в Москве Юлия Петровна ответила отказом. Она чувствовала, что что-то хрупкое и тонкое, что связывало ее с Петром Ильичом, уже сломалось, несмотря на его добрые и полные теплых чувств письма. Ее угнетали новые обстоятельства: Петр Ильич стал композитором с мировым именем, признанным музыкальным гением, а она... Она постоянно жаловалась на жизнь, а жаловаться было на что. Начались неприятности в семье: не ладили бабушка и дети. Постаревшая мать постоянно болела, сын жил своей жизнью, дочь полюбила молодого человека, которому родители не дали благословения на брак с барышней из семьи, в которой нет отца.

После бесконечных сетований на судьбу со стороны Юлии Петровны, Петр Ильич позволил себе даже рассердиться: «...перечел Ваше письмо и ужаснулся! Вы, пожалуй, еще больше теперь втянетесь в мысль о том, что я к Вам переменялся!!! Что мне отвечать на вопрос Ваш? Вы, конечно, долго можете обвинять меня в легкомысленной изменчивости. Но вновь и вновь уверяю Вас, что я не так изменчив, как Вам кажется, и что в отношении к Вам я совершенно тот же, что был три года назад».

В их диалоге начинает звучать диссонанс. Он радостно извещает, что совершил просто подвиг – за семь недель написал «Пиковую даму» (это и в самом деле подвиг – создание лучшей русской оперы в столь краткий срок!). Она ему сообщает о домашних неприятностях. Он приглашает ее в Москву. Она жалуется на бесталанность. Он просит ее снять дачу в укромном уголке Южнобережья, куда он, несмотря на нечеловеческую загруженность, обязательно приедет, вырвавшись хоть на неделю из круговорота своих дел. Она сомневается в том, что эта встреча будет интересна Петру Ильичу. В общении терялось то, что современные психологи называют общим смысловым пространством. Юлия Петровна разрушала самое дорогое в ее жизни.

Последнее письмо Чайковского к Юлии Петровне было написано 1 октября 1891 года. Он рассказывал ей о концертах, о постановке «Пиковой дамы» в Москве, о своих планах, мечтал о крымской встрече...

На этом переписка оборвалась.
Таинственной невстречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь,
И только слезы рады,
Что можно долго течь.

А. Ахматова

Всего сохранилось 182 письма Чайковского к Юлии Петровне. По количеству полученных от него писем Юлия Шпажинская занимает второе место среди женщин, встреченных композитором на жизненном пути. Первенство принадлежит Надежде Филаретовне фон Мекк, с которой не может соперничать ни одна женщина из жизни Чайковского, – 760 писем.

Что так привлекло Чайковского к Юлии Петровне, почему так резко оборвалась переписка, встречался ли они когда-нибудь потом? На эти вопросы ответов нет.

Нужно просто помнить, что отношения Чайковского с Юлией Шпажинской были особыми. Он писал ей свои длинные, интересные, откровенные письма, совершенно не стесняясь, как это было в переписке с благодетельницей фон Мекк. В общении с Юлией Петровной, у которой ему нечего было брать кроме дружбы (очень хочется надеяться, и любви), он наслаждался возможностью подарить тепло своей души человеку, который был ему дорог. Людям очень бывает нужно, чтобы их просто любили...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бессель В.В. Мои воспоминания о П.И. Чайковском // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1896/97.– СПб., 1897. – Приложение. Т. 1.*
- 2. Вайдман П.Е. Биография художника: жизнь и произведения. По материалам к биографии П.И. Чайковского // Петербургский музыкальный архив. – Вып. 3. – С. 178-179.*
- 3. Вайдман П.Е. Начало. Новые материалы из архива П.И. Чайковского // Наше наследие. – 1990. – № 2.*

4. Вайдман П.Е. *Творческий архив П.И. Чайковского*. – М., 1988.
5. Засосов Д.А., Пызин В.И. *Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев*. – Л., 1991.
6. Кашкин Н.Д. *Из воспоминаний о П. И. Чайковском / Прошлое русской музыки. Материалы и исследования. Т. I. П.И. Чайковский*. – Пг., 1920.
7. Ларош Г.А. *Собрание музыкально-критических статей. М., 1922. – Т. 2. Ч. 1.*
8. Малинин Ф.Н. *Заметки о поэтическом наследии П.И. Чайковского // Новый мир. – 1940. – № 7.*
9. *Письма П.И. Чайковского без купюр. Незвестные страницы эпистолярки / Публ. В.С. Соколова // П.И. Чайковский. Забытое и новое. Альманах / Сост. П.Е. Вайдман, Г.И. Белонович. – М., 1995. – Вып. 1.*
10. Протопопов М.А. *Писатель-дилетант // Русское богатство. – 1896. – № 2.*
11. Римский-Корсаков Г.А. *Н.Ф. фон Мекк и ее семья / П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк. Переписка. В 4 т. Т. 1. – Челябинск, 2007. – С. 58.*
12. Суперанский М.Ив. *Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. – 1908. – № 11.*
13. Травский В.К. *Современники о П.И. Чайковском // Театр и жизнь. – 1913. – № 170.*
14. *Чайковский М.И. Из семейных воспоминаний / Публ. П.Е. Вайдман // П.И. Чайковский. Забытое и новое. Альманах / Сост. П.Е. Вайдман, Г.И. Белонович. – М., 1995. – Вып. 1.*